

В защиту Е.А.Ган
Письма Н.А.Фадеевой, В.П.Желиховской и др.
по поводу статьи А.В.Старчевского
«Роман одной забытой романистки» (1886)

От публикатора

Литератор А.В.Старчевский¹ в 1886 г. в статье «Роман одной забытой романистки», опубликованной в журнале «Исторический вестник»², рассказал, на основании «вполне достоверных сведений», об известной писательнице XIX века Елене Андреевне Ган³. Откуда же возникли эти «достоверные сведения»? Для этого Старчевский своеобразно использовал неизданный роман Аделаиды Сенковской⁴. Одну из наиболее подходящих героинь этого романа, некую безымянную «писательницу», он в своей статье отождествил с Е.А.Ган, приписав ей черты характера, поступки, мысли и слова этой выдуманной особы. Прочитав измышления Старчевского, сестра и дочь Елены Андреевны, Н.А.Фадеева и В.П.Желиховская⁵, были потрясены и оскорблены подобным бесцеремонным отношением к памяти родного человека. Началась их переписка с редактором «Исторического вестника» С.Н.Шубинским⁶, которая завершилась публикацией в журнале писем в защиту Е.А.Ган. С этими письмами и перепиской могут познакомиться читатели.

По поводу статьи
«Роман одной забытой романистки»⁷

От редакции. Печатаемая (в августовской и сентябрьской книжках «Исторического вестника») статья А.В.Старчевского «Роман одной забытой романистки», где приведены подлинные письма известной писательницы сороковых годов Е.А.Ган к тогдашнему издателю «Библиотеки для чтения» Сенковскому и рассказано, на основании рукописи жены Сенковского, о знакомстве и сношениях названных лиц, редакция «Исторического вестника» не могла принять на себя никакой ответственности за точность и верность сообщаемых в статье сведений. Для нас было достаточно, что статья прислана писателем, почти столетия подвизающимся на литературном поприще, и подписана его полной фамилией. Между тем статья г. Старчевского оказалась оскорбительной находящимся в живых родственникам покойной Ган, ее сестре Н.А.Фадеевой и дочери В.П.Желиховской. Они прислали нам свои возражения с просьбой напечатать их и тем дать им возможность восстановить дорогую для них память Е.А.Ган. К ним присоединилась и Е.А.Ахматова, пожелавшая опровергнуть некоторые ссылки, сделанные на нее в статье. Охотно исполняя просьбы Н.А.Фадеевой, В.П.Желиховской и Е.Н.Ахматовой⁸, мы сочтем справедливым дать также место и возражению А.В.Старчевского по поводу обращенных к нему обвинений, если он найдет нужным его сделать⁹.

¹ Старчевский Альберт Викентьевич (1818–1901) – писатель, публицист, издатель, переводчик.

² Исторический вестник, 1886, №8, 9.

³ Ган Елена Андреевна (1814–1842) – писательница, печаталась под псевдонимом «Зенеида Р-ва» в журналах «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки», мать Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

⁴ Сенковская Аделаида Александровна (урожд. фон Раль, 1806–1853) – писательница, жена О.И.Сенковского. Сенковский Осип Иванович (1800–1858) – востоковед, писатель, редактор журнала «Библиотека для чтения» (1834–1847), печатался под псевдонимом «Барон Брамбеус».

⁵ Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – сестра Е.А.Ган.

Витте Екатерина Андреевна (1819–1898) – сестра Е.А.Ган.

Желиховская Вера Петровна (1835–1896) – писательница, драматург, дочь Е.А.Ган.

⁶ Шубинский Сергей Николаевич (1834–1913) – историк, публицист, редактор журнала «Исторический вестник» (1880–1913).

⁷ Публикуется по: Исторический вестник, 1886, №11.

⁸ Ахматова Елизавета Николаевна (1820–1904) – писательница, переводчица, издательница журнала «Собрание иностранных романов повестей и рассказов в переводе на русский язык» (1856–1885).

⁹ Возражений от А.В.Старчевского на страницах «Исторического вестника» не последовало.

Известный критик А.М.Скабичевский (1838–1911) в своей постоянной рубрике «Литературная хроника» в

I

Письмо Н.А.Фадеевой

Августовская книжка уважаемого «Исторического вестника» начинается статьей под названием: «Роман одной забытой романистки». Героиня романа – Елена Андреевна Ган, писавшая под псевдонимом Зенаиды Р., – моя старшая сестра, умершая сорок четыре года тому назад, а потому понятно с каким любопытством я принялась за чтение этого романа. С первых же строчек мое любопытство перешло в крайнее удивление, а затем в горькое разочарование, так как роман этот оказался действительно ничем более как романом, то есть плодом живой фантазии людей, совершенно незнакомых с личностями, о которых они говорят. Составитель романа справедливо заявляет о недостатке материалов для составления биографии Е.А.Ган; но очень жаль, что он поспешил воспользоваться теми материалами, которые ему представились, считая их почему-то *вполне достоверными*, тогда как они не только недостоверны, но положительно неверны, так же как и все сведения, к ним относящиеся, и далеко не заслуживали доверия, оказанного им. Я не буду пересчитывать все неверности, ошибки, искажения истины этого очерка – это был бы слишком большой труд; но считаю своим долгом и правом указать важнейшие из них, касающиеся лично моей матери, сестры, самых близких мне особ, меня самой; и полагаю, что оказываю тем услугу серьезному историческому журналу, дорожающему правдой и верностью содержащихся в нем статей.

Не знаю содержания писем Елены Андреевны к Сенковским в свертке, попавшем в руки г. Старчевского, но знаю отлично все подробности ее отношений с Сенковским. Знаю их из нескольких дюжин писем Сенковского к Елене Андреевне, писанных после ее отъезда из Петербурга¹⁰, хранящихся у меня; знаю из писем Елены Андреевны к матери и сестре, от которых у нее не было тайн и секретов; знаю из рассказов моей сестры Екатерины Андреевны Витте (находящейся теперь за границей), которая жила около пяти месяцев с сестрой Еленой Андреевной в Петербурге, вместе же с ней бывала у Сенковского, была свидетельницей всех их разговоров и вместе с ней выехала из Петербурга. Хотя я сама тогда была еще ребенком, но прекрасно помню рассказы самой сестры Елены Андреевны о Сенковских, полных юмора и комизма, заставлявших всех хохотать.

Воспоминания г-жи Сенковской, писанные на лоскутках, доказывают только пылкость ее воображения, возбужденного ревностью, создавшего иллюзии, которыми *она хотела* сама себя обманывать.

Елена Андреевна *очутилась* (выражение романа) в Петербурге¹¹ по очень простой причине: ее мужа¹² перевели на службу в Петербург¹³, она и приехала с ним и детьми. Второй дочери у свекрови никогда не оставляла, обе дочери были с нею.

«Занимательная игрушка учителя-журналиста, пока не надоела ему», то есть Елена Андреевна Сенковскому; а она ему ничуть не надоела, что доказывается множеством вышеупомянутых его писем к ней *после* ее отъезда из Петербурга. Г-жа Сенковская, как видно из ее записок, писанных на лоскутках, не только не изучила Елены Андреевны Ган, но не составила себе о ней даже малейшего понятия, подходящего к истине.

Затем приводятся следующие сведения: «Отец Елены Андреевны Ган, Андрей Михайлович

«Новостях и биржевой газете» в номере от 20 ноября 1886 г. (№320) представил обзор «Писем Н.А.Фадеевой и В.П.Желиховской в оправдание покойной Ган», в которых он увидел «одно и то же стремление очистить от излишних нареканий добрую память покойной писательницы и доказать, что в статьях г. Старчевского заключается ряд лжей». В подтверждение такого вывода он привел обширные цитаты из этих писем.

¹⁰ В 1837 г.

¹¹ В 1836 г.

¹² Ган Петр Алексеевич (1798–1873) – офицер кавалерийской артиллерии, полковник в отставке (1845), управляющий Каменец-Подольской земской конюшней (1846–1848), Гродненский губернский почтмейстер (1851–1858).

¹³ Кажется, его прикомандировали к образцовой батарее. – *Примечание Н.А.Фадеевой.*

Фадеев¹⁴, был человек прекрасный, образованный, всеми любимый и проч., женат был на княгине (княжне) Елене Павловне Долгоруковой и прочее, Елене Андреевне в 1836 году было 22 года, значит, она родилась в 1814 году». Совершенная правда. «Мать Елены Андреевны была женщина вечно больная и потому постоянно сидела дома, никуда не выезжала и дала дочерям самое плохое образование; она negliжировала¹⁵ им до такой степени, что все замечали и много толковали об этом (в Астрахани)! Елена Андреевна сама образовала себя».

Как одна из дочерей, получивших это самое плохое образование, заставившее толковать астраханцев, позволю себе заметить, что если бы я тогда еще, в Астрахани, десятилетним ребенком принялась за перевод романов с иностранных языков на русский, то мой перевод, наверно, не был бы хуже переводов, помещавшихся в изданиях г. Старчевского.

В 1860 году, по кончине Елены Павловны Фадеевой, в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан некролог¹⁶ ей, написанный человеком, близко знавшим ее. В некрологе, между прочим, говорилось следующее. «Елена Павловна Фадеева, рожденная княжна Долгорукая, дочь заслуженного екатерининского генерала князя Павла Васильевича¹⁷, приходилась правнучкой князя Сергея Григорьевича¹⁸, бывшего послом в Польше при Петре I, казненного в Новгороде во время бироновского¹⁹ гонения на Долгоруких. Елена Павловна была очень замечательная женщина: с глубоким, серьезным умом, отличным образованием, многосторонними обширными познаниями, обращавшими на нее внимание европейских ученых, она соединяла добрейшее, благородное сердце, любила тихую жизнь среди своей семьи и научных занятий, составлявших главное утешение и развлечение ее жизни. Любила природу, изучала ее и особенно занималась ботаникой в часы досугов, свободные от занятий с детьми и домашнего хозяйства, которым сама заведовала и вела отлично. Памятниками ее работ остались 50 томов (величиной в лист) собственноручных рисунков растений с натуры, которые сама же определяла при помощи библиотеки замечательнейших сочинений по этой части. Книги эти прельщали ученых натуралистов, и знаменитый академик Бер²⁰ чуть не на коленях молил Елену Павловну позволить снять с них копию для Академии наук. Занималась также нумизматикой, археологией и многими другими научными предметами, и занималась разумно, с толком, изучив их серьезно и основательно, и составила несколько интересных, богатых коллекций по этим предметам. Это бескорыстное, необыкновенное в женщине служение науке сделало имя Елены Павловны известным в ученом мире. (Следуют названия сочинений президента Лондонского географического общества Мурчисона²¹, французского академика Вернеля²², нашего Стевена²³ и

¹⁴ Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) – государственный деятель, тайный советник (1858), управляющий конторой иностранных переселенцев (Екатеринослав, 1817–1834), член комитета иностранных поселенцев Южного края России (Одесса, 1834–1837), главный попечитель кочующих народов (Астрахань, 1837–1839), управляющий палатой государственных имуществ Саратова (1839–1841), гражданский губернатор Саратова (1841–1846), член Совета главного управления Закавказского края (Тифлис, с 1846 г.), управляющий экспедицией государственных имуществ при главном управлении Закавказского края (Тифлис, с 1850 г.); дед Е.П.Блаватской и В.П.Желиховской.

¹⁵ Negliжировать (*фр.* negligier, от *лат.* negligere презирать) – относиться к кому-либо или к чему-либо без должного внимания, пренебрегать.

¹⁶ Кавказ, 1860, №72, 15 сентября. См. сообщение о смерти Е.П.Фадеевой: Кавказ, №63, 14 августа.

¹⁷ Долгоруков Павел Васильевич (1755–1837) – генерал-майор.

¹⁸ Долгоруков Сергей Григорьевич (?–1739) – дипломат.

¹⁹ Бирон Эрнест Иоганн (1690–1772) – фаворит русской императрицы Анны Иоанновны во время ее царствования в 1730–1740 гг., с его именем связывают установившийся режим правления страной – бироновщину, характерными чертами которого были – засилье иноземцев, главным образом немцев, во всех областях государственной и общественной жизни, репрессии против недовольных, шпионаж, доносы.

²⁰ Бэр Карл Максимович (1792–1876) – русский естествоиспытатель, путешественник, один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии.

²¹ Мурчисон Родерик Импи (1792–1871) – шотландский геолог, президент Лондонского геологического и географического общества, в 1840–1841 гг. провел геологические исследования в России.

²² Верней Филипп Эдуард Пуллетье (Вернель, 1805–1873) – французский геолог, палеонтолог и путешественник, сопровождал Р.И.Мурчисона в путешествии по России.

²³ Стевен Христиан Христианович (1781–1863) – русский ботаник, доктор медицины, садовод и энтомолог, основатель и первый директор Никитского сада в Крыму.

многих других, писавших с уважением и удивлением о Елене Павловне, ее познаниях и трудах). С нею были знакомы и вели переписку многие европейские естествоиспытатели, хотя она этого не искала, потому что занималась наукою единственно из любви к науке. Обширность познаний соединялась в ней с такою истинно женскою скромностию, что человек, не интересующийся учеными предметами, мог быть знаком с нею годы, пользоваться ежедневно душевною теплотою ее беседы и не подозревать ее знаний. И не одна наука – все, что возбуждает интерес в наблюдательном, серьезном уме, занимало ее. Обширные знакомства первой половины ее жизни, дружеская связь со многими замечательными людьми, русскими и иностранными, оставили в ее памяти целую хронику событий и лиц, придававшую необыкновенную прелесть ее разговору. Посвящая жизнь исключительно своему семейству и занимаясь даже своими любимыми предметами только в свободные часы, Елена Павловна воспитывала своих детей с самою нежною заботливостию, заменяя им большую часть учителей. Все ее дети, а впоследствии и внуки, учились читать по-русски и по-французски и многому другому сидя у нее на коленях; и это учение служило как бы фундаментом того солидного образования и серьезного направления, которое достигнуто ими потом. Нас без труда поймут, когда мы скажем, что памятная русской читающей публике талантливая беллетристка Елена Андреевна Ган, писавшая под псевдонимом Зенаиды Р., была дочь Елены Павловны, а наш известный военный писатель Ростислав Андреевич Фадеев²⁴ – сын ее».

В этом же смысле некролог Елене Павловне Фадеевой был помещен в академическом месяцеслове 1862 года в отделе достопамятных лиц, умерших в 1860 году²⁵.

«Ростислав Андреевич Фадеев, военный писатель, был ее (Е.А.Ган) старший брат, – так продолжают сведения г. Старчевского. – Кроме него у Фадеевых было три дочери: первая и самая старшая была в замужестве за бароном Витте²⁶; средняя Елена – за артиллерийским полковником Ганом, и третья, самая младшая, Надежда – незамужняя».

Самая старшая дочь Фадеевых, родившаяся чрез год после их женитьбы, была Елена Андреевна Ган; вторая, пятью годами моложе ее, Екатерина Андреевна Витте; потом Ростислав Андреевич Фадеев и за ним Надежда Андреевна.

«У нее (Ел[ены] Анд[реевны] Ган) было две дочери: старшая из них Блавацкая (Блаватская), известная спиритка, пишущая по псевдонимом Радда-Бай²⁷, живет теперь в Париже со своей теткой Надеждой Андреевной Фадеевой».

У Елены Андреевны было четверо детей, две дочери и два сына; старший сын Александр умер ребенком; второй Леонид²⁸, служивший мировым судьей, а потом присяжным поверенным в Ставрополе, умер в прошлом 1885 году. Самая старшая дочь, Блаватская, вовсе не спиритка, а напротив, враг спиритизма, что вполне доказывается журналом «The Theosophist», издаваемым под ее редакцией в Мадрасе. Младшая дочь, Вера Петровна, была замужем за Яхонтовым²⁹, потом за Желиховским³⁰, живет в настоящее время в Петербурге; Блаватская в Париже не живет и тетка ее, Надежда Андреевна, с ней не живет, а живет с сестрой Е.А.Витте³¹.

²⁴ Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) – генерал-майор, военный историк, публицист, брат Е.А.Ган.

²⁵ Месяцеслов на 1862 г. СПб., 1862. С. 123–124.

²⁶ Витте Юлий Федорович (1814–1868) – директор Департамента государственных имуществ Главного управления Кавказского наместничества (с 1857 г.), отец С.Ю.Витте.

²⁷ Блаватская Елена Петровна (1831–1891) – философ-космист, писательница, путешественница, основательница Международного Теософского общества.

²⁸ Ган Леонид Петрович (1840–1885) – юрист.

²⁹ Яхонтов Николай Николаевич (1827–1857) – поручик в отставке, псковский помещик.

³⁰ Желиховский Владимир Иванович (?–1880) – преподаватель естественных наук Тифлисской губернской гимназии (1855–1863), преподаватель математики Закавказского девичьего института (1856–1863), заведующий учебной частью женского учебного заведения св. Нины в Тифлисе (1859–1866), инспектор Тифлисского военного училища (1863–1865), директор Тифлисского женского училища 1-го разряда (1865–1868), директор Тифлисской классической гимназии и училищ г. Тифлиса (1868–1874), окружной инспектор Кавказского учебного округа (1875–1878), чиновник, причисленный к Главному управлению Кавказского наместника (1878–1880), статский советник (см.: Кавказский календарь на 1856–1881 гг. Тифлис, 1855–1880).

³¹ Н.А.Фадеева и Е.А.Витте проживали в Одессе.

Елена Андреевна не имела надобности писать для поддержания своей семьи, потому что никогда не находилась в нужде; жила, большею частью, у своих родителей, в доме которых была обеспечена во всем. Правда, она говорила, что пишет для денег, но деньги, конечно, не составляли лишнего бремени для нее. Она на них воспитывала своих детей, держала при дочерях двух гувернанток, из которых одну всегда англичанку.

Елена Анд[реевна] оставила «Библиотеку для чтения» и стала печатать свои повести в «Отечественных записках» не из *черной неблагодарности*, к которой не была способна, а потому, что не хотела переносить самоуправного обращения Сенковского с ее рукописями; он имел привычку вычеркивать целые страницы, изменять сюжеты и развязки повестей и заменять их вставками собственного своего сочинения. И это он делал не с одной Е[леной] А[ндреевной], а со всеми рукописями, поступавшими в его редакцию. Хотя Елена Анд[реевна] и не высказывала своего неудовольствия Сенковскому, но в душе возмущалась, и, наконец, потеряв терпение, приняла предложение Краевского³² помещать свои сочинения в его журнале.

По приезде в Петербург Елена Анд[реевна] «узнала, что ранее приехали обе ее кузины, рожденные Сушковы, из которых младшая была уже замужем за Хвостовым, а вторая девица, впоследствии вышедшая за Ладыженского. Хвостов приехал по своим делам и, кроме молодой жены, захватил с собой и свояченицу».

Младшая кузина была замужем не за Хвостовым, а за Ладыженским³³, а вторая девица, впоследствии вышедшая за Хвостова³⁴, жила у своей тетки, по отцу Беклешовой³⁵. Всегда они находились в самых лучших родственных отношениях и переписке с кузинами Фадеевыми и никогда не называли друг друга «вы», а всегда «ты»; особенной роскоши они не знали, так же как Елена Анд[реевна] не знала особенных нужд и лишений. Разговоры, которые они ведут между собою в «романе», не могли происходить; Елена Анд[реевна] не говорила таким языком, это совсем не ее слог, не ее манера, так же как и все речи, приписываемые ей в «романе». Кузины Сушковы ничуть не были поражены ее знакомством с бароном Брамбеусом и нисколько не желали с нею соперничать; а когда на одном балу, вскоре по приезде Елены Андреевны в Петербург, к ней очень радостно подбежал старый одесский знакомец, флигель-адъютант граф Браницкий³⁶ и не отходил от нее во весь вечер, то старшая Сушкова (будущая Хвостова) точно была поражена и употребила все старания, чтобы по рекомендации Елены Анд[реевны] обратить на себя его внимание, но совершенно вотще³⁷, несмотря на свою красоту и светскость.

«Едва ей минуло шестнадцать лет, – продолжает «роман», – родители спешили пристроить ее и выдали за первого посватавшегося...» Выдали не за первого посватавшегося, а за человека, за которого она сама хотела выйти. Ей не препятствовали, потому что тогда брак в шестнадцать лет был самым обыкновенным делом, а посватавшийся был человек хорошего происхождения, умный, отлично образованный, доброго, благородного характера, а потому не было никаких причин противиться этому браку. Впоследствии оказалось, что они не сошлись характерами, но этого нельзя было предвидеть. «Бедной *Леночкой*», так же как «*Леной*», родители ее не называли, да и никто не называл. В Петербурге Елена Анд[реевна] с мужем и детьми жила не «в маленьком темном уголке», а в приличной светлой квартире, нанятой заблаговременно братом мужа, Иваном Алексеевичем Ганом, ротмистром лейб-гвардии кирасирского полка (который и теперь находится в живых)³⁸, поселившимся вместе с ними. Чем более читаешь эту биографию, тем более

³² Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – журналист, педагог, редактор журнала «Отечественные записки» (1839–1868), газеты «Голос» (1863–1883) и др.

³³ Ладыженская Елизавета Александровна (урожд. Сушкова, 1815–1883) – жена Е.Л.Ладыженского (1802 – не ранее 1859), псковского помещика, предводителя дворянства.

³⁴ Хвостова Екатерина Александровна (урожд. Сушкова, 1812–1868) – мемуаристка, жена дипломата А.В.Хвостова (1809–1861).

³⁵ Беклешова Мария Васильевна (1792–1863) – тетка Е.А.Ладыженской и Е.А.Хвостовой.

³⁶ Браницкий-Корчак Ксаверий Владиславович (1816–1879) – польский дворянин, подполковник русской армии, французский финансист.

³⁷ безуспешно, напрасно (*устар.*).

³⁸ Ган Иван Алексеевич (1810–1889) – в 1842 г. уволен от военной службы, председатель Саратовской казенной

убеждаешься, что это вовсе не биография, а просто романическая повесть, в которой нет даже подобия того, что было в действительности. Нет возможности исправить все неправильности и ошибки, так как они заключаются в каждой строчке. В описании личности самой Елены Андреевны только и есть справедливого, что одно ее имя. Нельзя сказать, что это описание непохоже на нее, – это совсем не она, и ничего подобного она *не могла* ни делать, ни говорить, потому что это было не в ее натуре, не в ее характере, не в ее привычках. Она не была способна на такие пошлые выходки. Да и все эти разговоры, монологи, происходившие 44 года тому назад, так же как и *ее мысли*, изложенные при этом, даже опровергать невозможно; всякий мыслящий человек должен оценить и понять меру их значения и достоверности, тем более что материал всей этой статьи, по заявлению самого автора, почерпнут из записок и писем женщины, увлекавшейся ревностью к своему мужу. До каких крайностей доводит ее ревность, очевидно уже из того, что она передает разговоры, происходившие в замкнутом кабинете ее мужа, – почему же она их знает? Значит, она подслушивала у дверей, или слышала их в припадке ясновидения, или, вернее и проще всего, просто сама сочинила. Последнее предположение еще более подтверждается тем, что г-жа Сенковская не только слышала разговоры, но даже знает *мысли* Елены Андреевны, – знает, *что она думала* в то время, и пересказывает это с такою самоуверенностью и апломбом, что решительно не понимаешь, что это такое? – бред ли г-жи Сенковской или игра ее сочинительских увлечений, воспаленных ревностью?

Елена Андреевна из Петербурга не бежала «от своей страсти к барону Брамбеусу», а просто уехала со своим отцом и сестрой к матери, чтобы всем вместе ехать на лето в Пятигорск. Отец приезжал в Петербург определить сына в артиллерийское училище и привез с собой дочь Екатерину Андреевну; они жили с Еленой Анд[реевной], оставались в Петербурге более четырех месяцев и сестры все это время не разлучались одна с другой. Елена Анд[реевна] более в Петербурге не была, а муж ее оставался там еще довольно долго, пока получил батарею³⁹. Сестра моя, Екатерина Андреевна (которая, слава Богу, жива и здорова), была свидетельницей, как Сенковский противился отъезду Елены Андреевны, уговаривал и умолял ее остаться в Петербурге. При отъезде у нее не было в руках никакого «золота», так как она едва начала писать.

Переводная повесть «Годольфин»⁴⁰ и первая, ее сочинения, «Идеал»⁴¹, напечатанные до отъезда ее, далеко не обогатили Елену Андреевну. Да и вообще литературный труд доставлял ей гораздо более душевных тревог и волнений, нежели золота. Что касается *несчастной любви* (на которой зиждется «роман») Елены Андреевны к Сенковскому, могу уверить всех желающих знать правду, что *никакой, даже тени любви не было* и не могло быть, и никогда, ни одной минуты Елену Андреевну не была и не могла быть влюблена в Сенковского. Переписка, находящаяся у меня, служит неопровержимым доказательством моего несомненного утверждения. Елена Анд[реевна] уважала его ум, громадные познания, была признательна за нравственную поддержку, оказанную им при вступлении ее на литературное поприще, и более ровно ничего. Удивительно, до каких заблуждений доводят людей страсти и своевольное воображение, увлекшие Сенковскую в этот бессмысленный самообман и нелепый поклеп, даже клевету.

В «Романе одной забытой романистки» Елена Андреевна выставлена какой-то бестактной, неловкой, угрюмой, забитой провинциалкой, ничего не выдавшей, не испытывавшей, кроме нужд и лишений, и к тому же некрасивой собой; в действительности Елена Андреевна была очень живого, веселого характера, исполненного юмора, остроумия, находчивости, очень красивая, прекрасно сложенная, стройная, совершенно светская женщина, всегда окруженная поклонниками и

палаты в 1854–1859 гг., в 1863 г. уволен со службы (см.: Шумков А.А. Хотилицкие Ганы // http://oldbasman.ru/d/875918/d/karamysh_gany.pdf).

³⁹ П.А.Ган был 4 марта 1837 г. назначен командующим конно-легкою батареей №6, куда отправлен 23 марта, а прибыл на место службы 16 апреля; высочайшим приказом утвержден командиром этой батареи 4 июня 1837 г. (см.: Дело об увольнении со службы П.А.Гана // РГВИА, ф. 395 (Инспекторский департамент, I отделение), оп. 36 (1845 г.), д. 33.

⁴⁰ «Годольфин» – роман английского писателя Э.Бульвер-Литтона (1803–1873). Под таким названием роман в «Библиотеке для чтения» не публиковался.

⁴¹ Библиотека для чтения, 1837, т. XXI.

обожаемыми. Своим блестящим умом и образованием, своей привлекательной, выразительной наружностью она составляла красу общества и обращала на себя общее внимание. В [18]30-х годах она провела около трех лет у своих родителей в Одессе. Одесса тогда была в апогее своего общественного развития и оживления; генерал-губернатор граф Воронцов⁴² и графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова⁴³, как магнитом, притягивали к себе со всех концов Европы людей, служивших украшением лучших обществ. Тогда в Одессу съезжалось много польской знати, многие и русские тузы селились в ней, привлекаемые южным климатом и морем. Большая часть из них жила открыто, широко и зимой блестящие балы и увеселения всякого рода следовали одни за другими. Елена Андреевна была принята во всех этих домах, бывала на всех балах и празднествах, начиная с еженедельных понедельников Воронцовых, всем нравилась, все перед ней заискивали и поклонники ее были без числа. В Петербург она приехала не дикой провинциалкой, а женщиной, знакомой со светом и умевшей себя держать в хорошем обществе.

В характере Елены Андреевны Ган была еще одна черта, хорошо знакомая ее родным и близким. Когда она подмечала смешные стороны иных людей, она любила этих людей дурачить и мистифицировать⁴⁴ – это ее забавляло и она это делала так остроумно, так комично и вместе с тем так серьезно, что в самом деле выходило необыкновенно забавно для особ, посвященных в шутку, а не понимавшие ее и не подозревали мистификации. Если Елена Андреевна подметила в г-же Сенковской ее злополучную ревность, то этим объясняются мечтательные заблуждения бедной подруги барона Брамбеуса. Во всяком случае, она была жертвой одного из двух: или собственных галлюцинаций от избытка ревности, или шуточной мистификации Елены Андреевны Ган. А может быть, того и другого вместе.

Надежда Фадеева

II Письмо В.П.Желиховской

Прочитав в августовской и сентябрьской книжках «Исторического вестника» статью под заглавием: «Роман забытой романистки», я с изумлением и глубоким горем узнала в ней несправедливое нареkanie на память матери моей Елены Андреевны Ган, урожденной Фадеевой, писавшей под псевдонимом «Зинаиды Р-вой».

Я возмутилась до глубины души таким незаслуженным и неожиданным оскорблением!.. Мать моя, хотя умерла в ранней молодости, но оставила по себе не только память талантливой романистки во всей России, но глубокое уважение к душевным качествам своим и к безупречной чистоте своей трудовой жизни – всем, знавшим ее лично; а нам, детям своим, завещала пример всех умственных и нравственных достоинств, доступных женщине... Я тотчас решила, что тут должно быть недоразумение и что я обязана вступить за истину.

Странный факт, что, кроме неправдоподобия всего «романа», во всей статье не оказывается ни одной верной данной касательно семьи нашей – годов, местопребываний, характеристики и описания внешности лиц, очевидно перепутанных, – удостоверял меня в полном неведении автора.

На поверку так и вышло: г. Старчевский никого из Фадеевых, Ган, Сушковых или близких им лиц никогда не знал. Да, как видно, и не желал узнавать! Переселившись в Петербург год тому назад и услышав случайно, что он пишет что-то о матери моей, я вызывалась дать ему сведения, но он не воспользовался моим предложением... Теперь, когда я упрекнула его в этом, он возразил, что болезнь помешала ему со мной повидаться; что, к тому же, статья его была написана

⁴² Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – государственный деятель, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823–1844), главнокомандующий русскими войсками на Кавказе и Кавказский наместник (1844–1853).

⁴³ Воронцова Елизавета Ксаверьевна (1792–1880) – жена М.С.Воронцова.

⁴⁴ мистифицировать (*устар.*, *фр.* *mystifier*).

два года тому назад, а в составлении ее он руководствовался источником, достойным всякого доверия: записками Аделаиды Александровны Сенковской.

Сомневаясь в том, чтоб г-жа Сенковская, хотя она и была в свое время известна за особу крайне ревнивую, часто ставившую мужа своего в весьма неловкое положение беспричинными опасениями за их супружеское счастье, решила клеветать на женщину, с которой состояла в приятни и дружеской переписке по самый день смерти ее, – я потребовала подлинны рукописи ее... Г. Старчевский отослал меня за ними к приятельнице, переписчице и переводчице покойной г-жи Сенковской, всегда писавшей по-французски, – к Софье Ивановне Снессоровой⁴⁵. Вполне со мною согласившись касательно крайней ревности Аделаиды Александровны как человек близко знавший семейную жизнь Сенковских, г. Старчевский, тем не менее, слагал с себя всякую ответственность за ее «записки» и за свидетельство г-жи Снессоровой.

Каково же было мое изумление, когда я, побывав у нее, удостоверилась, что рукопись, доставившая ему такие «верны» сведения для описания «романа» моей матери, совсем не воспоминания и не записки, а какой-то романический вымысел без подписи автора⁴⁶, без действительных имен и фамилий! Какой-то роман под заглавием «Соперницы», где мифические герои, «барон и баронесса Мышецкие», осаждаются десятками влюбленных в «гениального барона» женщин, всех возрастов и званий.

Софья Ивановна Снессорова искренно огорчилась, узнав, какое употребление сделано из рукописи, переданной ею г. Старчевскому как лицу, близкому Сенковским, с целью, если возможно, напечатать ее «целиком и без изменений». На просьбу же назвать действующих в ней лиц, она отвечала, что «не сочла бы себя вправе разоблачать имена, скрытые автором, даже если бы знала их»; но что «они ей самой совершенно неизвестны»... Прилагаю письмо г-жи Снессоровой⁴⁷, в котором она слагает с себя всякую ответственность в этом печальном деле, повторяя все, сказанное мне на словах. Из него явствует, что никто не имел ни права, ни даже малейшего повода произвольно отождествлять личность матери моей с какой-то полупомешанной «Наташей», обвиняемой автором (в сущности, неизвестным, так как роман «Соперницы» не подписан!) в незаконной любви к какому-то «гениальному Мышецкому»...

Оказывается, что г. Старчевский избрал из сонма воображаемых соперниц, *ad libitum*⁴⁸, ту, которая ему показалась наиболее подходящей к личности Елены Андреевны Ган, на том лишь основании, что она выставлена писательницей, и весьма легкомысленно выдал мою мать за оригинал г-жи Сенковской.

Я бы очень была рада не упоминать о том, что письма матери моей достались г. Старчевскому (по собственному рассказу его мне и многим другим) тоже косвенным путем; но, к несчастью, он сам меня вынуждает к тому следующим произвольным заключением, которое отымает у меня возможность верить, что он сам, лично, не желал поддерживать в читателях дурного мнения о моей матери.

Видя, что дружеские письма Е.А.Ган к А.А.Сенковской, а равно и вполне достойный, сдержанный тон ее писем к самому г. Сенковскому, резко противоречат тому типу женщины легких нравов, любившей рассказывать скабрзные анекдоты, представлявшей и своими речами, и неряшеством одежды известный тип стриженных деятельниц, проявившийся двадцать лет после кончины ее, г. Старчевский вымышляет, ради объяснения этого странного противоречия, следующее предположение:

«Первое сохранившееся письмо Е.А.Ган к Сенковскому писано 22-го сентября 1838 года, – говорит он в начале второй части своего рассказа⁴⁹. – Нет никакого сомнения (?!), что до него у Сенковского был целый их ворох, но они были преданы сожжению как болтовня молодой

⁴⁵ Снессорова Софья Ивановна (1815(16)–1904) – писательница, переводчица.

⁴⁶ Французский подлинник, по словам г-жи Снессоровой, уничтожен самой Сенковской; а перевод не имеет подписи и нигде нет в нем ее имени. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴⁷ Письмо С.И.Снессоровой в «Историческом вестнике» напечатано не было, см. дальше.

⁴⁸ по желанию, по произволу (*лат.*).

⁴⁹ Сентябрьская книжка «Исторического вестника», стр. 509. – *Примечание В.П.Желиховской.*

женщины, веселой, остроумной и словоохотливой; но в них *могли* (!) попадаться и некоторые двусмысленности, которые *могли* компрометировать молодую особу...»

Что же могло дать повод г. Старчевскому заключить, что такие *компрометировавшие* мать мою письма существовали?.. Почему он думает, что они были сожжены заранее?.. Зачем было Сенковскому отделять их от других, когда ведь и те письма, которые г. Старчевский отдал в печать, в сущности, *были предназначены их владельцем огню*, а не гласности?.. Так как г. Старчевский говорит об этом факте сам, никого не обязывая к тайне, то я считаю себя вправе оправдать мать мою от этого предположения, тоже бросающего на нее тень подозрения.

По смерти Осипа Ивановича Сенковского жена его поручила г. Старчевскому как ближайшему помощнику своего мужа разобрать оставшиеся у него бумаги. Между ними он нашел пачки писем с надписью: «*сжечь*». Г. Старчевский их не сжег, но неясно ли из этого, что Сенковский предполагал истребить все письма моей матери вообще, без всякого выбора?..

Даже предположив, что О.И.Сенковский был так щепетилен и предусмотрителен, что сжигал *компрометантные*⁵⁰ письма тотчас по их получении, – такая возможность, не имея фактических подтверждений, остается произвольным умозаключением, которое г. Старчевский не имел права выдавать за «*несомненный*» факт. «*Никакого нет сомнения*» – лишь в побудительных причинах, заставивших его придумать такую комбинацию: надо же было объяснить чем-нибудь странное противоречие между *подлинными* письмами Зинаиды Р-вой и взводимыми на нее поклепами, бесправно окрещенными «ее романом».

А что вторая часть «*Романа забытой* (к счастью, не всеми!) *романистки*», почти вся состоя из писем Елены Андреевны Ган к Сенковскому, представляет красноречивое опровержение первой выдуманной части, – факт, который не может не поразить каждого беспристрастного читателя, – ясно, как Божий день, не одному г. Старчевскому.

Зная, что многие журналы и газеты, интересовавшиеся биографией моей матери, делали извлечения из фантастического «*Романа*», плода воображения г-жи ли Сенковской или г-на Старчевского, – уж и не знаю, кого из двух благодарить за него! – я покорнейше прошу все редакции, пользовавшиеся им в ущерб памяти моей матери и правде, не отказаться восстановить истину перепечатыванием и моего письма.

Вера Желиховская.

III Письмо Е.Н.Ахматовой

В статье А.В.Старчевского: «Роман одной забытой романистки», в августовской и сентябрьской книжках «Исторического вестника», есть две неверные ссылки на меня, из которых одну я считаю необходимым исправить, другую опровергнуть.

Живя в Астрахани в [18]30-х и [18]40-х годах, я не только слыхала много о Фадеевых, но и была лично знакома с ними. Мать Е.А.Ган, Елена Павловна Фадеева, рожденная княжна Долгорукова, несмотря на свое болезненное состояние, не пренебрегала воспитанием дочерей. Это была женщина высокого образования и замечательного ума. Е.А.Ган я совсем не знала. Когда ее родители жили в Астрахани, она была уже замужем. Все биографические сведения, сообщенные мною А.В.Старчевскому в частном разговоре об Е.А.Ган, заключались только в том, что она была дочь Е.П. и А.М. Фадеевых, сестра Ростислава Андреевича Фадеева, жена полковника Гана и мать известной писательницы Радды-Бай.

О той интриге, о которой говорится во второй ссылке на меня на 514 странице сентябрьской книжки «Исторического вестника» и которая заставила Е.А.Ган отдавать свои статьи в «Отечественные записки», я не только никогда не передавала А.В.Старчевскому, но и не слыхала ничего. Весьма вероятно, что А.В.Старчевский слышал это от кого-нибудь другого: через столько

⁵⁰ компрометирующие (*фр.* compromettant).

**Переписка
по поводу статьи А.В.Старчевского
«Роман одной забытой романистки»**

1

Е.Н.Ахматова – С.Н.Шубинскому⁵¹

Васильевский остров,
8 линия, № дома 41, кв. 6.

1886, 6 августа.

Милостивый Государь
Сергей Николаевич.

Не откажите напечатать прилагаемое опровержение, написанное по просьбе дочери Е.А.Ган В.П.Желиховской. <...>

С искренним к Вам уважением

Е.Ахматова.

2

Н.А.Фадеева – С.Н.Шубинскому⁵²

Милостивый Государь
Сергей Николаевич.

На днях я прочитала в августовской книге издаваемого Вами «Исторического вестника», который высоко уважаю, статью: «Роман одной забытой романистки». Забытая романистка – Елена Андреевна Ган, умершая в 1842-м году, старшая сестра моя, – а я младшая сестра ее, Надежда Андреевна Фадеева, одна из серии трех сестер, о плохом образовании которых Г-жа Ахматова доставила такой нелестный отзыв Г-ну Старчевскому. Я Г-жи Ахматовой вовсе не знаю, судя же по качеству ее переводов иностранных романов трудно предположить за нею авторитет в определении образования. Дело в том, что в этом романе, кроме нескольких собственных имен и похвал Елене Анд[реевне] Ган, вполне ею заслуженных, – только и есть одно слово правды – это его название «роман». Все остальное ничто более как измышление чьих-то игривых воображений, избравших почему-то предметом своей изобретательности Е.А.Ган. Обращаюсь к Вам, милостивый Государь, с покорнейшею и убедительнейшею просьбою: поместить в следующей, *ближайшей* книге Вашего почтенного журнала прилагаемое при сем мое возражение, которое считаю необходимым для исправления лживых сведений, передаваемых в «Романе»; и вполне уверена, что Вы как редактор исторического, серьезного журнала, все значение которого в правде и верности материалов, заключающихся в нем, не откажете мне в законном желании восстановить эту правду в ее надлежащем виде. Я могла бы послать это возражение в другой журнал, но я решила обратиться прежде к Вам по чувству именно моего глубокого уважения к Вашему журналу и желанию, чтобы именно в нем же, а не в другом журнале, была исправлена искаженная истина. Это было бы делом высшей справедливости, доказательством уважения журнала к самому себе и увеличило бы доверие к нему его читателей. Но в случае, если бы Вы мне отказали в моей

⁵¹ Фрагмент из письма публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 33.

⁵² Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 35.

справедливой просьбе, я буду вынуждена, с большим сожалением, обратиться немедленно в другой журнал, так как невозможно допускать играть именами людей и рассказывать о них небывалые, нелепые сказки. Я бы была чрезвычайно обязана Вам, если бы Вы распорядились приказать уведомить меня хоть двумя словами, будет ли Вам угодно напечатать мое заявление и когда именно, – для чего прилагаю при сем почтовую марку. Буду ожидать Вашего ответа две недели от этого дня; если в продолжение их не дождусь его, то тотчас же обращусь в другой журнал. Если же Вам угодно будет принять это возражение, то убедительнейше прошу Вас напечатать его *без пропусков*, вполне, как оно есть. – Кажется в конце прошлого года в «Историческом вестнике» же была помещена статья генерала Николаева⁵³ «Воспоминания о кн[язе] Барятинском⁵⁴», в которой ген[ерал] Николаев, хорошо знакомый со всем нашим семейством, рассказывает довольно пространно о нашем житье-бытье в Тифлисе⁵⁵ и удивляется высокому образованию всех членов нашей семьи, пересчитывает нас всех, называет отца моего, мать, брата Ростислава, сестру Елену и проч. и говорит: «Другие две сестры Е.А.Витте и Н.А.Фадеева своими сведениями и начитанностью вполне гармонировали со всеми выдающимися членами этой семьи». Упоминаю об этом как о курьезной противоположности с отзывом о нас Г-на Старчевского с Ахматовой в одном и том же журнале.

По поводу отношений сестры моей Е.А.Ган к Сенковскому могу сказать следующее: дело и истина в том, что Елена Андреевна в Сенковского не только не была влюблена, а он был ей всегда противен и смешон именно тем, что *он был в нее влюблен, как мальчика*. Целые тома его писем к

⁵³ Николаев Петр Степанович (1830–1894) – генерал-лейтенант, мемуарист.

⁵⁴ Барятинский Александр Иванович (1815–1879) – государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Кавказской армией и кавказский наместник (1856–1862).

⁵⁵ «[Ростислав Андреевич] Фадеев пользовался слишком большою известностью для того, чтобы мне говорить о нем; но вся семья его была так примечательна, что не могу удержаться, чтобы несколько не остановиться в своих воспоминаниях с любовью на том времени, когда я был с нею знаком.

Старик Андрей Михайлович Фадеев (отец Ростислава), несмотря на свой преклонный возраст, сохранял полнейшую свежесть умственных способностей и его рассказы из последних годов царствования императора Павла и всего царствования Александра I часто заставляли нас переноситься в те отдаленные годы.

Супруга его, Елена Павловна, урожденная княжна Долгорукова, была одною из замечательных личностей по своим обширным знаниям в области естествознания.

Муж второй дочери Фадеева Екатерины Андреевны, покойный Ю.Ф.Витте, окончивший курс в двух заграничных университетах и видный деятель в управлении князя Барятинского, был, бесспорно, одним из самых образованных людей Тифлиса.

Старшая сестра Ростислава, г-жа Ган, – давно уже покойница, – писавшая под псевдонимом Зинаиды Р., была одною из любимейших писательниц своей эпохи.

Другие две сестры, Е.А.Витте и Н.А.Фадеева, своими сведениями и начитанностью вполне гармонировали со всеми выдающимися членами этой семьи; а если ко всему сказанному прибавить широкое, старинное радушие и хлебосольство, которым отличались Фадеевы, то всякому станет понятно, отчего знакомство с ними оставляло по себе самое приятное воспоминание. Жили они в старинном доме князя Чавчавадзе; самый этот дом носил на себе печать чего-то особенного, чего-то веявшего Екатерининскою эпохою. Длинная мрачная зала, увешанная фамильными портретами Фадеевых и кн[язей] Долгоруких, затем гостиная, оклеенная гобеленами, подаренными Екатериною II князю Чавчавадзе, следующая затем комната Н.А.Фадеевой, представлявшая собою один из самых примечательных частных музеев, – такова была обстановка этого дома. Коллекция музея отличалась своим разнообразием: оружие всех стран мира, кубки, блюда, древняя домашняя утварь, китайские и японские идолы, мозаики, образа времен Византии, персидские и турецкие ткани, вышитые шелками и золотом, статуи, картины, окаменелости и, наконец, весьма редкая и ценная библиотека. Освобождение крестьян не изменило жизни Фадеевых, вся громадная крепостная их дворня осталась у них по найму и все шло по-прежнему привольно и широко. Я любил у них проводить вечера; в одиннадцать без четверти часов, шаркая теплыми сапогами, старик уходил. Неслышно приносился ужин в гостиную, двери запирались плотно, и начиналась оживленная беседа: то разбиралась современная литература или современные вопросы русской жизни, то слушался рассказ какого-нибудь путешественника или только что возвратившегося с боевого поля загорелого офицера; иногда являлся старик испанец-масон Квартано с рассказами о наполеоновских войнах или Радда-Бай (Елена Петровна Блаватская, внучка А.М.Фадеева) вызывала из прошлого бурные эпизоды своей жизни в Америке; порою разговор принимал мистическое направление и Радда-Бай вызывала духов. Догоревшие свечи чуть мерцали, фигуры на гобеленах как бы шевелились, невольно становилось жутко, а восток начинал уже бледнеть на черном фоне южной ночи» (Николаев П.С. Воспоминания о князе А.И.Барятинском // Исторический вестник, 1885, №12. С. 622–624).

ней, находящиеся у меня в руках, писанные после ее отъезда из Петербурга, доказывают это неопровержимо. Сестра моя Екатерина Анд[реевна] была свидетельницей, как Сенковский умолял Елену Анд[реевну] не уезжать из Петербурга и, убедившись в неизбежности ее отъезда, накануне этого дня *закрыв лицо руками и плакал, как ребенок, заливаясь слезами*. Эта история известна у нас в семье около полувека, и потому-то так и возмутительно вторжение в нее людей, не имеющих никакого понятия о том, что они говорят. – Я сейчас получила письмо от сестры моей Е.А.Витте из Карлсбада, писанное под впечатлением прочтения «Романа». Позволяю себе выписать из него несколько строк. «Вот курьезная статья о сестре Елене, это Бог знает что такое! Конечно, необходимо изобличить ложь. Наша мать, которая не любила света именно потому, что всю жизнь посвящала наукам и детям своим, учила всех нас и даже 70-ти с лишком лет в параличе, болезнях до последней минуты учила маленьких внуков своих, моих детей; все они читать выучились от нее, – *и она пренебрегала нашим воспитанием, все этому удивлялись, говорили об этом!* Да это безумный только мог сказать! Что могла знать об этом Ахматова, Снессарева, с которыми мы вовсе не были знакомы? Потом, сестра Елена, женщина молоденькая, красивая, умная, любезная, каких мало, с бесчисленными поклонниками, вдруг бы влюбилась в пожилого, очень дурного собой Сенковского! Он был страстно влюблен в нее, у нас сколько доказательств тому, она смеялась над ним, доводила его до слез, и если принимала его восторженные послания, так потому только, что он свои нежные изъяснения припутывал в своих письмах к ее литературным делам. А Сенковская постоянно была к ней очень хороша, часто к ней писала», и проч., и проч. – Последние слова сестры моей наводят сильное сомнение на подлинность тех лоскутков, которые услужливо Г-жа Снессарева так любезно перевела для Г-на Старчевского. В моем возражении я ничего не пишу о легкомысленном увлечении пожилого ученого Брамбеуса, считая это неуместным, а Вам хотела сообщить, чтобы Вы знали правду. Извините, что я утруждаю Вас таким длинным письмом, но я уверена, что Вы снисходительно отнесетесь к нему, если поставите себя на наше место. Если бы о Вашей матери, Ваших сестрах, Вас самих, самых близких Вам людям, которых память Вам дорога и священна, написали бы то, что пишут в этом «Романе» о моих близких, – я полагаю, Вы бы не смолчали. И ведь это без всякой причины, без всякого повода, мы им не сделали никакого зла, никакой обиды, живем от них за тридевять земель, вовсе их не знаем, и вдруг собирается трио из Ахматовой, Снессаревой, Старчевского и кидают в нас грязью! За что, по какому праву? Как им не стыдно сочинять этот низкий пасквиль на людей, ничего им не сделавших, большею частью давно умерших. Что же такое весь этот «Роман», как не пасквиль?

Давно уже я собиралась Вам писать по другому делу. У меня есть много интересных бумаг и документов, доставшихся мне от отца, матери, дедушек, бабушек, брата моего. Есть письма Суворова, герцога Ришелье, основателя Одессы (более сотни), графа Ланжерона, Принца де Линя, Коцебу, Костюшки⁵⁶ и многих других. Из современных: Пушкина, Растопчиной, Кукольника, Бестужева (Марлинского)⁵⁷ и других. Есть отрывки из воспоминаний моей прабабушки, очень интересные. Есть записки моего отца, написанные им незадолго до смерти в 1867-м году по

⁵⁶ Суворов Александр Васильевич (1729–1800) – полководец, генералиссимус, военный теоретик.

Ришелье Эммануил Осипович (1766–1822) – французский и русский государственный деятель, генерал-лейтенант, градоначальник Одессы (1803–1815), генерал-губернатор Новороссийского края (1805–1814).

Ланжерон Александр Федорович (1763–1831) – военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, градоначальник Одессы (1815–1822).

Линь Шарль (1735–1814) – австрийский фельдмаршал, дипломат, писатель, мемуарист, состоял на русской военной службе (1782–1788).

Коцебу Август (1761–1819) – немецкий драматург и романист.

Костюшко Тадеуш (1746–1817) – политический и военный деятель Польши и США.

⁵⁷ Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – поэт, писатель, драматург.

Растопчина Евдокия Петровна (урожд. Сушкова, 1811/1812–1858) – писательница, поэтесса, драматург, переводчица, двоюродная сестра Е.А.Ладыжевской и Е.А.Хвостовой.

Кукольник Нестор Васильевич (1809–1868) – писатель, поэт, драматург, переводчик.

Бестужев Александр Александрович (лит. псевдоним Марлинский, 1797–1837) – писатель, критик, публицист, декабрист.

дневнику, который он вел в продолжение 70-ти лет. До сих пор мы их не отдавали в печать, считая это рановременным, но теперь уже можно⁵⁸. Есть еще много любопытных бумаг. Об этом знают в нескольких редакциях журналов и меня просили о высылке моих бумаг. Некоторые из них я послала в один исторический журнал, где они и были напечатаны, но самые редкие и интересные оставила у себя. Если Вам угодно, я могу Вам прислать часть из них, и если Вы их найдете полезными для Вашего журнала, то я была бы очень рада, чтобы они были напечатаны в высоко ценимом мною «Историческом вестнике». А со временем могу переслать Вам и остальные.

Примите, Милостивый Государь, уверение в истинном уважении.

Ваша покорнейшая услужница
Надежда Фадеева.

Мой адрес: Ее превосходительству Надежде Андреевне Фадеевой, Одесса, Херсонская улица, дом Когана, №25.

Одесса.
1886-го года.
2 сентября.

3

В.П.Желиховская – А.А.Краевскому⁵⁹

Милостивый Государь.

Обращаюсь к Вам в надежде, что Вы не откажетесь помочь мне снять с памяти матери моей, Елены Андреевны Ган, писавшей под псевдонимом Зинииды Р-вой, клевету, взведенную на нее г. Старчевским в Историческом Вестнике в статье под заглавием: «Роман забытой романистки».

Вам как современнику и видному деятелю на литературном поприще, вероятно, была известна и безупречная репутация матери моей, и отношения г. Сенковского к ней и к другим литераторам и писателям того времени. Если же Вы и не знали ее лично, то можете хотя бы засвидетельствовать истинную причину, почему она изменила «Библиотеке для чтения» ради «Отечественных Записок». Г. Старчевский указывает на то простое самосохранение авторских прав, как на какую-то черную неблагодарность, мотивированную разочарованием в личных, преступных расчетах моей покойной матери на безраздельное покровительство и дружбу О.И.Сенковского...

На вопрос мой: откуда г. Старчевский почерпнул такую ложь, – он сослался на записки покойной А.А.Сенковской, хранящиеся у С.И.Снеессаревой; согласившись, впрочем, со мною, что г-жа Сенковская была женщина вздорная и крайне ревнивая...

Но каково было мое удивление, когда повидавшись с С.И.Снеессаревой, я убедилась, что ни одно лицо, выведенное Сенковской в разрозненных очерках ее, названных «Соперницы» (а совсем не записках, потому что в них она и себя называет вымышленным именем «баронессы Мышецкой», и нигде не подписывается!), в них не названо по имени, а тем более *нигде не упоминается имени моей матери!*.. Она же рассказала мне, что на просьбу г. Старчевского назвать ему этих лиц, – она ответила категорическим отказом на том основании, что *и сама их не знает*. С.И.Снеессарева возмущена его поступком и дала мне слово печатно засвидетельствовать свою неприкосновенность к этому постыдному делу.

Надеюсь, Милостивый Государь, что Вы не откажете способствовать мне в восстановлении доброй славы моей покойной матери, так незаслуженно и недостойно оклеветанной.

С искренним уважением имею честь быть, Милостивый Государь, готовой к услугам Вашим.

В.Желиховская.

⁵⁸ «Воспоминания» А.М.Фадеева были напечатаны в журнале «Русский архив» (1891, №2–5, 9–12).

⁵⁹ Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 73, ед. хр. 1181.

5 Сентября.
1886 г.

Адрес: С. Петербург. По Екатерининскому каналу,
у Харламова моста д. 100, кв. 3.
Вере Петр[овне] Желих[овской].

4

В.П.Желиховская – С.Н.Шубинскому⁶⁰

[Сентябрь 1886 г.]

Милостивый государь
Сергей Николаевич.

Представьте себе мое удивление: в рукописи, переданной С.И.Снеессаревой г. Старчевскому, нет ни единого имени выводимых им лиц: ни моей матери, ни тетки Сушковых, ни Фадеевых, – никого!.. Она положительно отказывается от всякого участия в этом, по собственному выраженью ее, «*недостойном деле*».

Вот ее рассказ.

Она, ища законного вознаграждения за свои труды, переписку и переводы для г-жи Сенковской, за которые та ей не заплатила, обратилась к г. Старчевскому за советом: нельзя ли утилизировать⁶¹ рукопись, оставленную ей Сенковской, – какой-то спутанный, фантастический рассказ, где десятки женщин, старые и молодые, поголовно влюбляются в какого-то «барона Мышецкого», – как видите, совсем не записки ее, – там и подписи ее нет нигде! Старчевский спрашивал ее: *не может ли она назвать лиц*, выводимых в рукописи, озаглавленной просто «*Соперницы*»? С.И.Снеессарева категорически отказалась, говоря, *что она и сама их не знает*, что это лица, быть может, вымышленные.

Но г. Старчевскому почему-то понадобилось оклеветать честную память матери моей, и вот он произвольно отождествляет ее лично с одной из *соперниц* г-жи Сенковской на том лишь основании, что она выведена «писательницей», и пустил в ход клевету, которую наперерыв подхватили газетные фельетонисты.

На днях я пришлю вам свой ответ, который будет заключать в себе просьбу ко всем издателям журналов и газет, делавшими извлечения из статьи г. Старчевского, перепечатать его для вразумления публики и удовлетворения детей и близких незаслуженно им оклеветанной, честной женщины.

Готовая к услугам,
В.Желиховская.

5

С.И.Снеессорева – В.П.Желиховской⁶²

Милостивая Государыня Вера Петровна!

Не получая Исторического Вестника, я узнала о содержании статьи г. Старчевского только

⁶⁰ Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 33.

⁶¹ употребить с пользой (от *лат. utilis* полезный).

⁶² Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 33.

Письмо переписано рукой В.П.Желиховской и вместе с ее письмом, которое публикуется следующим, было послано С.Н.Шубинскому.

из Ваших слов – и крайне была удивлена сообщенными Вами известиями.

А.А.Сенковская писала *свои сочинения* на французском языке и поручала мне передавать их на русский. *Последний свой роман «Соперницы»* она не успела напечатать и пред смертью своею просила меня напечатать его при первой возможности целиком и без изменений. Я поручила *с тем же условием* эту рукопись г. Старчевскому как единственному известному мне человеку, сохраняющему благодарную память об О.И.Сенковском, и которого я знаю около 30 лет за неутомимого труженика на литературном поприще. *Я не давала ему права разоблачать тайны имен, скрытых автором, и эти имена совершенно не известны мне.*

Вашей Матушки, знаменитой русской писательницы, я не знала лично, но, как все современницы, была поклонницей ее талантливых произведений. Ее родителей, Елену Павловну и Андрея Михайловича Фадеевых, я знала хорошо и пользовалась их добрым расположением: их светлый ум, высокое образование и безукоризненная жизнь всех привлекала к ним. Почти столетия прошло с тех пор, как я узнала их в Астрахани, но и теперь в душе моей живет благоговейная память о них. К их талантливой семье я имею искреннее доброжелательство.

Примите уверения *в печали моей по поводу случившегося недоразумения и в моем желании снять с себя в том всякую ответственность.*

София Снеессорева.

8 Сентября 1886 года.

Г. Царское Село.

6

В.П.Желиховская – С.Н.Шубинскому⁶³

[Сентябрь 1886 г.]

Вот, многоуважаемый Сергей Николаевич, сильно смягченное письмо по поводу Вам известного дела. Его прошу Вас напечатать целиком. Что бы ни вздумал отвечать на него г. Старчевский, я считаю, что обязана сказать все то, что в нем заключается. Вы меня чрезвычайно обязали бы, если бы поместили и письмо С.И.Снеессоревой, но так как я боюсь, что Вы найдете его излишним, то упомянула вкратце его содержание.

Тетке своей я писала в тот же день, и Вы, вероятно, на днях получите ее разрешение на пропуски, Вами требуемые.

Надеюсь, что Вы сами пожелаете загладить невольную вину журнала Вашего против бедной моей матери скорейшим обличением неправды и восстановлением ее честного имени.

С истинным уважением честь имею быть готовой к услугам Вашим.

В.Желиховская.

⁶³ Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 33.

Васильевский остров,
8 линия, № дома 41, кв. 6.

1886, 20 сентября.

Милостивый Государь
Сергей Николаевич.

Когда один человек утверждает, а другой опровергает, посторонним лицам трудно разобратить, кто прав. Люди, знающие меня коротко, не сомневаются, – я не говорю уже, в моей правдивости, но и в моей *памяти*, которую когда-то находили замечательной и которая до сих пор не изменила мне, даже в мелочах. Я могла бы, пожалуй, забыть, что передавала какой-либо факт А.В.Старчевскому, но самый факт не ускользнул бы из моей памяти, за что я ручаюсь Вам. А мне положительно никогда не была известна та интрига, о которой говорит А.В.Старчевский. Я готова верить, что ошибка сделана им неумышленно, но я негодую на то, что он, не сказав мне ни слова, сослался на меня. Что я за авторитет такой в этом отношении? Наконец, я жива еще, неменяемой не признана, нахожусь не за горами и можно бы, кажется, проверить свою память, спросив меня. Тогда и выяснилось бы, что я не знаю ничего. Доказательством того, насколько изменила ему память, служит то, что он написал, будто, живя в Астрахани, я *слышала* много о Фадеевых; могла ли я наврать такой чепухи, когда я знала их лично и даже очень коротко была знакома с ними. Мне не было никакой надобности это скрывать. Он просто перемешал и перепутал и очень обидно, что у меня на это нет никаких доказательств, кроме слов. <...>

Накрепко уважающая Вас

Е.Ахматова.

Многоуважаемый
Алберт Викентьевич.

На днях получила я письмо, которым извещают меня, между прочим, что «статья Г. Старчевского наделала много хлопот». Кому и за что? не объясняют, а между тем при моем болезненном состоянии и в крайнем уединении моей жизни – всякая неизвестность тревожит меня и усиливает страдание. В надежде, что в душе Вашей сохраняется память о неизменном доброжелательстве моем к Вам и Вашей семье, я берусь за перо, чтобы попросить Вас немедленно написать мне подробное письмо, какие еще следствия произошли по поводу Вашей статьи? Напишите откровенно, чтобы успокоить мои тревоги. Меня пугают неожиданные нашествия, а это вредно при невралгии. Повторяю, что полагаюсь на Вашу добрую память и честное слово. <...>

С.Снессорева.

21 с[ентября] 1886 г.
Царское Село.
Конюшенная,
д. Михайлова.

⁶⁴ Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 33.

⁶⁵ Письмо публикуется впервые по: РО ИРЛИ, ф. 583, ед. хр. 622.

[После 20 сентября 1886 г.]

<...> В опровержении моем, если Вы его напечатаете и если я не увижу Вас до набора его, прошу вычеркнуть всю эту фразу: «Она занималась ботаникой, нумизматикой и прелестно рисовала, особенно цветы». <...>

Милостивый Государь
Сергей Николаевич.

Сейчас, возвратясь из Вены, я нашла у себя на столе Ваше письмо, на которое тотчас же отвечаю. Очень Вам благодарна за Ваше извещение, избавляющее меня от необходимости обращаться в другой журнал. Без сомнения, журналу невозможно проверить достоверность всех своих статей, так же как оградиться ото лжи и клеветы, какие могут в них находиться. Но достоинство серьезного журнала требует отмечать ложь и клевету и восстанавливать истину, когда она заявляется, – на что я и рассчитывала, посылая Вам мое возражение на «Роман» Г-на Старчевского. Я не *требовала*, чтобы мое возражение было напечатано «без пропусков, вполне, как оно есть», – я только «убедительнейше просила» Вас; и если Вы находите нужным изменить, смягчить или исключить иные выражения, – я этому нисколько не противлюсь, совершенно полагаясь на Вашу справедливость и заботливость о сохранении достоинства Вашего журнала.

Мои обвинения Г-жи Ахматовой основывались на заявлении Г-на Старчевского о получении от нее лживых и оскорбительных о нашем семействе сведений, а потому мои обвинения не были ни «неосновательны», ни «неуместны». Резкость лжи вызывала резкость правды. Если Г-жа Ахматова отказывается от этих сведений, то само собою разумеется, что и мои «обвинения» этим упраздняются. Я этого не могла знать, не знала, что даже это указание на Г-жу Ахматову такой же вымысел или игра воображения, как и все остальное в этой статье. А потому, конечно, мои замечания по отношению к Г-же Ахматовой должны быть исключены; хотя вымысел или клевета все же остаются вымыслом и клеветой, от кого бы они ни происходили, и непременно должны быть опровергнуты.

Второй половины статьи Г-на Старчевского я за отъездом не успела прочитать; но что бы Е.А.Ган ни писала к Сенковскому в письмах, представленных Г. Старчевским, я утверждаю и могу доказать то, что я писала о причине переноса ее произведений в Отечественные Записки. Вероятно, многие из ее писем к Сенковскому потеряны или писаны в начале ее литературных занятий, когда она еще не полагалась на свои силы и дорожила руководством Сенковского. Если она пишет о предложениях Краевского, то именно с намерением *пугать* Сенковского или понудить к скорейшей уплате должных ей денег, на которые он был очень туг. Я Вам писала правду, писала то, что я знаю. Я могу это доказать десятками ее писем к нам, свидетельством живых людей, бывших в дружбе с Е[леной] А[ндреевной], которым она говорила и писала то же самое. Я сама слышала тысячи ее рассуждений об этом в продолжение годов. Если б это не было так, то я бы об этом и не писала.

Мое возражение *совершенно фактическое*, основанное на правде и истине; за выражение их я не стою, но факты считаю себя вправе покорнейше просить Вас заявить в ближайшем № Исторического вестника, *особенно* от возражения Г-жи Желиховской. Она, как дочь Ел[ены] Анд[реевны], обязана защитить память своей матери от клеветы, но она осталась по смерти матери

⁶⁶ Фрагмент из письма публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 33.

⁶⁷ Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 35.

семилетним ребенком и, конечно, не знает много того, что известно мне и моей сестре Ек[атерине] А[ндреевне] Витте, бывшей ближайшим другом и свидетельницей почти всей жизни Е.А.Ган. В наших возражениях могут встретиться одинаковые указания, которые предоставляю Вам исключить из моего возражения относительно Ел[ены] А[ндреевны] Ган. Но убедительно и *настоятельно* прошу Вас все сведения, относящиеся к семейству Фадеевых, *так же как выписку из некролога моей матери Елены Павловны Фадеевой*, – напечатать *вполне*. Это необходимо для восстановления правды и исправления путаниц и нелепиц Г-на Старчевского. В отношении моей матери сделан гнусный поклеп, который должен быть обличен и опровергнут. Я надеюсь и уверена, что Вы мне не откажете в этом справедливом, святом требовании и оцените всю важность его.

При первом свободном времени отберу и вышлю Вам несколько бумаг, которые, я полагаю, не будут лишены интереса для читателей уважаемого Исторического вестника.

Примите выражение живейшего уважения Вашей покорнейшей служанцы
Надежды Фадеевой.

Одесса, 24-го сентября
1886-го г.

11

В.П.Желиховская – А.С.Суворину⁶⁸

Хотя письмо мое относительно оскорбительного вымысла о моей матери г. Старчевского и не нашло места на столбцах «Нового Времени», но я предполагаю, что это случилось потому, что Редакции было уже известно содержание Ноябрьской книжки Исторического Вестника. Во всяком случае, я твердо надеюсь на справедливость Редакции и жду перепечатания *в газете* Г. Суворина писем, моего и тетки моей Фадеевой, – ради окончательного опровержения приведенных во всеобщую известность недостойных клевет, взведенных на мать мою.

Вера Желиховская.

Адр[ес]: Екатерининский канал №100, кв. 3.

6 Окт[ября] 1886 г.

12

Н.А.Фадеева – С.Н.Шубинскому⁶⁹

Милостивый Государь
Сергей Николаевич.

Получив Ваше обязательное письмо с приложением корректурного оттиска «Возражений» на статью Г-на Старчевского, я спешу выразить Вам мою живейшую благодарность за Ваше предупредительное внимание, так же как за совершенно правильное исправление моего заявления и исключение обвинений Г-жи Ахматовой, потерявших всякий смысл и значение после ее отречения. Только подходит ли мое замечание о переводах Г-жи Ахматовой к переводам Г-на Старчевского, о которых я ничего не знаю? Впрочем, Вам это известно лучше меня. Очень жаль, что возражение Г-жи Желиховской, указывающее на ее знакомство с Г. Старчевским, вызвало необходимость с ним объясняться. Не знаю, что он отвечал, но при желании отвечать в свое

⁶⁸ Письмо публикуется впервые по: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1399.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – публицист, театральный критик, драматург, издатель газеты «Новое время» (с 1876 г.) и журнала «Исторический вестник».

⁶⁹ Письмо публикуется впервые по: РО РНБ, ф. 874, оп. 1, ед. хр. 35.

оправдание, конечно, его бесцеремонная изобретательность, не стесняющаяся пределами правды и приличия, не постоит за ответом.

Повторяю мою искреннюю признательность за Ваше доброе и справедливое отношение к этому делу, приносящее честь благородному журналу, не отвергающему слова правды в обличение вкравшейся в него неправды, – и прошу принять выражение моего истинного уважения и сердечной благодарности.

Надежда Фадеева.

Одесса.

14-е октября.

1886-го г.

13

В.П.Желиховская – в редакцию газеты «Новости и биржевая газета»⁷⁰

М[илостивый] г[осударь]. Ввиду полной законности и справедливости моей просьбы, покорнейше прошу редакцию газеты «Новости» не отказаться напечатать, *пока*, мой лаконичский протест против клеветы, возмутительной по своей неосновательности и произволу, помещенной в августовской и сентябрьской книжках «Исторического вестника», – на память матери моей, *Елены Андреевны Ган*, в литературе *Зинаиды Р-вой*. Доказательства полной несостоятельности обвинений, взводимых на нее г. Старчевским бесправно и совершенно безосновательно, доставлены: мною, теткой моей Н.А.Фадеевой и многими посторонними, но близко знавшими мать мою лицами в редакцию «Исторического вестника» еще в сентябре. Но так как их напечатание в сказанном журнале почему-то замедлилось, а в других журналах и газетах то и дело появляются ссылки и указания на оскорбительный для памяти матери моей вымысел, появившийся в «Историческом вестнике» под бесправным заглавием ее «романа», – то я вынуждена временно принять меры к прекращению подобных поклепов, возмущающих спокойствие детей ее и близких и чувство справедливости всех честных людей, знавших покойную мать мою.

Вера Желиховская.

⁷⁰ Письмо публикуется по: Новости и биржевая газета, 1886, №301, 1 ноября.

В ответ на это письмо В.П.Желиховской редакция «Новостей и биржевой газеты» в номере от 5 ноября (№305, раздел «Русская печать») сделала следующее заявление: «Считаем долгом заявить, что упреки по адресу редакции «Исторического вестника», высказанные в помещенном в нашей газете письме г-жи Желиховской, оказались незаслуженными и напрасными. Г-жа Желиховская несколько поспешно обвинила редакцию названного журнала в нежелании, будто бы, напечатать ее возражение на статью г. Старчевского о ее матери, известной некогда писательницы Е.А.Ган. Как раз в день появления в нашей газете письма г-жи Желиховской вышла ноябрьская книжка «Исторического вестника», в которой напечатаны целиком пространные «доказательства неосновательности статьи» г. Старчевского не только г-жи Желиховской, но еще двух лиц – г-жой Фадеевой и Ахматовой. Печатая эти возражения, редакция «Вестника» предположила им следующие строки:

«Помещая статью А.В.Старчевского «Роман одной забытой романистки», где приведены подлинные письма Е.А.Ган к тогдашнему издателю «Библиотеки для чтения» Сенковскому и рассказано, на основании рукописи жены Сенковского, о знакомстве и сношениях названных лиц, редакция не могла принять на себя никакой ответственности за точность и верность сообщаемых в статье сведений. Для нас было достаточно, что статья прислана писателем, почти столетия подвизающимся на литературном поприще, и подписана его фамилией. Между тем, статья показалась оскорбительной родственницам покойной – ее сестре Н.А.Фадеевой и дочери В.П.Желиховской. Они прислали нам возражения с просьбой напечатать их и тем дать возможность восстановить дорогую для них память Е.А.Ган. Охотно исполняя эту просьбу, мы сочтем справедливым дать также место и возражению А.В.Старчевского по поводу обращенных к нему обвинений, если он найдет нужным его сделать».

С.И.Снегорева – А.В.Старчевскому⁷¹

Многоуважаемый
Алберт Викентьевич

Простите старую Вашу сотрудницу за неспешное исполнение своей обязанности – написать Вам расписку, что получила обратно мою рукопись: Соперницы, роман А.А.Сенковской, 10 мая 1887 года. <...>

София Снегорева. 12 мая 1887 г.

[Расписка]

От Г. Старчевского получила обратно мою рукопись: Соперницы, роман А.А.Сенковской.

София Снегорева.

12 мая 1887 г.

⁷¹ Фрагмент из письма публикуется впервые по: РО ИРЛИ, ф. 583, ед. хр. 622.